

Приказчик виновато улыбнулся и сказал:

— Малыш, я знаю, что ты хочешь стать мечник. Думаю, у каждого парня на Континенте Яэр есть такая мечта, но делать это за спиной у семьи — неправильно. К тому же, чтобы стать выдающимся мечником, пробуждение Души Меча — это лишь первый шаг в долгом пути. Впереди тебя ждет столько расходов, что десятком золотых монет тут не обойдешься.

— Так вы не собираетесь мне ее продавать?

— Кх-кх, если уж покупать, то по крайней мере нужно спросить совета у родителей.

Услышав это, Чжэн Фэн почувствовал, как в груди внезапно вспыхнула беспричинная ярость. Он яростно шлепнул обеими ладонями по приложку, подался всем маленьким телом вперед и выпалил приказчику:

— Я сам заработал эти деньги! Почему я должен спрашивать чьего-то разрешения? К тому же, откуда мне знать, где они?

— Ты что, видишь во мне ребенка и специально издеваешься?

— Ваша Золотая лавка семьи Дин открыта для всех, вы принимаете гостей со всех концов света. Разве вы перебираете покупателей, которые приходят к вам?

Приказчик смутился, чувствуя, что где-то совершил ошибку. В этот момент вперед выступил дядя Юнь и пояснил:

— Этот ребенок с детства был брошен родителями, мы, соседи по улице, вырастили его. Деньги он действительно заработал сам.

Услышав слова дяди Юня, Чжэн Фэн внезапно разозлился:

— Ну и что, что у меня нет мамы и папы? Какой ты странный приказчик, продаешь алхимический эликсир, а сам такой болтливый. Если не хочешь продавать — не надо, подумаешь, пойду к другим, в конце концов, не у вас одних они продаются!

Только тут приказчик понял, что невольно задел болезненное место мальчика. Он торопливо заискивающе извинялся, наговорил целую кучу мягких слов и попросил Чжэн Фэна подождать минутку, а сам повернулся и скрылся среди рядов деревянных стеллажей, чтобы принести эликсир.

Подойдя к стеллажу с Эликсирами пробуждения Души Меча, приказчик обнаружил, что они полностью распроданы. Эликсиры пробуждения и так пользовались огромным спросом, так что

приказчик не сильно удивился и направился в заднюю залу.

Едва он переступил порог задней комнаты, как увидел седовласого старика в синих даосских одеждах с морщинистым лицом, который склонился над ступкой и растирал травы. Заметив входящего, старик удивленно спросил:

— Разве ты не должен быть в торговом зале? Чего прибежал сюда?

Приказчик знал, что перед ним настоящее дерево, тряся которое семья Дин сыплет деньгами — единственный в Городе Цаомао старший алхимик Лю Фан, — а потому не смел проявлять неуважения. Он тут же ответил:

— Видите ли, впереди покупатель спрашивает эликсир пробуждения, а на витрине пусто, вот я и пришел взять немного.

Лю Фан лишь хмыкнул в ответ и, не обращая больше внимания на приказчика, продолжил свое занятие. Приказчик на цыпочках подошел к деревянному стеллажу за спиной алхимика, взял одну склянку с эликсиром пробуждения, сделал отметку в учетной книге и тихонько вышел прочь.

Прошло около времени сжигания одной палочки благовоний, прежде чем хмурые брови Лю Фана наконец разгладились. Глядя на эликсир в руке, он облегченно вздохнул и пробормотал про себя, что теперь все пять порций собраны воедино. Обернувшись, он вдруг заметил, что вместо четырех склянок с эликсиром, стоявших на полке, осталось всего три.

Неужели я так долго напрягал ум, что в глазах двоится? — он потер затуманенные глаза и взгляделся снова: действительно, их было ровно три. Внезапно вспомнив, что недавно заходил тот самый приказчик, Лю Фан мысленно выругался, сообразив, что дело неладно, и широкими шагами бросился в передний зал.

— Эй, послушай-ка, тот эликсир пробуждения, который ты взял минут назад, уже продан? — приказчик как раз обслуживал клиентов, когда кто-то сзади хлопнул его по плечу. Обернувшись, он увидел перед собой Лю Фана.

— Да, как принес из подсобки, так сразу и продал, — растерянно ответил приказчик.

— А он сам где? — не унимался Лю Фан, требуя ответа.

— Ой, они уже ушли. Мастер Лю, что-то случилось?

Задав еще пару вопросов, Лю Фан хмуро махнул рукой, велел приказчику возвращаться к работе и, погружившись в тяжелые раздумья, направился во внутренний двор Золотой лавки семьи Дин. Обойдя несколько крытых галерей, он вышел к небольшому саду и остановился

перед восточным флигелем. Поколебавшись секунду, он тихонько постучал в дверь.

— Кто там?

— Хозяин, это я.

— А, старик Лю, заходи.

Лю Фан откликнулся, со скрипом отворил дверь и вошел внутрь. Обстановка комнаты была простой и скромной: в самом дальнем углу стояла кровать, посередине — круглый сандаловый стол и несколько деревянных табуретов. На столе стоял сине-белый фарфоровый чайный сервиз, а мужчина средних лет в простой одежде, углубившись в чтение, держал в руках книгу. Этим человеком был глава нынешнего поколения семьи Дин — Дин Хай.

Заметив вошедшего Лю Фана, Дин Хай отложил книгу на круглый стол, потер глаза и с радушной улыбкой жестом пригласил алхимика присесть. Он лично налил ему пиалу горячего чая — вода была прозрачной, а чай источал нежный аромат, от одного вдоха которого на душе становилось легко и спокойно.

— Дело сделано? — неожиданно спросил Дин Хай.

— Сделано-то сделано, но в процессе вышла небольшая заминка.

— О?

Лю Фан торопливо поднялся с места и виновато произнес:

— Прошу главу семьи наказать меня. По своей рассеянности я перепутал бутылочки и налил Эликсир Исступления в склянку из-под эликсира пробуждения. На беду, в этот момент приказчик из переднего зала зашел в подсобку за товаром и среди целого ряда эликсиров пробуждения случайно продал покупателю именно ту склянку с Эликсиром Исступления, которую сварил ваш покорный слуга. Теперь из четырех бутылочек осталось всего три.

Услышав это, Дин Хай слегка нахмурился. Молча поднес к губам свою пиалу, он сделал маленький глоток и лишь после этого произнес:

— Если этот Эликсир Исступления сработает на месте, трех бутылок нам вполне хватит. Меня беспокоит другое: проданная склянка может привлечь внимание семьи Гань. Если они обнаружат этот подвох, то наверняка раздуют из мухи слона.

С этими словами Дин Хай отставил пиалу в сторону и, словно вспомнив о чем-то более важном, спросил:

— Что за человек купил эликсир пробуждения? И чем грозит использование Эликсира Исступления вместо пробуждающего?

Лю Фан честно ответил:

— Я расспросил об этом приказчика. Эликсир купил сирота, выросший в Городе Цаомао. Если принять Эликсир Исступления вслепую, предварительно не выпив успокоительного, да еще и будучи ребенком, у которого еще даже не пробудилась Душа Меча, боюсь... боюсь, ему не сдобровать.

Сирота, значит?

— Об этом деле пока никому не говорить. Как только мы выиграем грядущие состязания у семьи Гань и вернем себе пост городского главы, дело будет сделано, и нам уже не придется бояться того, какую бурю они смогут поднять.

Успокоившись от этой мысли, Дин Хай вернул Лю Фана на прежнее место и сказал:

— В конце концов, винить в случившемся стоит лишь моих никчемных детей и внуков. В мои молодые годы я одержал победу на двух состязаниях подряд, и благодаря бывшей славе семья Дин удерживала пост городского главы целых двадцать лет.

— Эх, кто бы мог подумать, что после меня среди потомков семьи Дин почти не останется толковых людей. Семья удерживает власть уже двадцать пять лет, но под непрекращающимся давлением семьи Гань с каждым годом нам приходится все труднее. Если бы эта молодежь хоть немного старалась, мне не пришлось бы прибегать к столь крайним мерам.

В нынешнем мире полно свирепых магических зверей и разбойников, и простые люди стремятся жить под защитой сильных мира сего. Именно поэтому должность главы Города Цаомао определялась в честном поединке: победителем становился тот, кто выиграет три боя из пяти. Участвовать в турнире могла каждая семья в городе, но реальными претендентами на этот пост оставались лишь два клана — семьи Гань и Дин.

Поскольку удары бойцов обладали сокрушительной мощью, а в решающие моменты сражения нередко проливалась кровь — что неоднократно случалось на прошлых турнирах в Городе Цаомао, — со временем было установлено новое правило: участники состязаний должны быть моложе пятнадцати лет.

Если родители были сильными мастерами, то происхождение, воспитание и жизненный опыт немилостиво превращали подростка в бойца. Но чего можно ожидать от детей младше пятнадцати лет, какими бы талантливыми они ни были? Благодаря этому нововведению удавалось и определить главу города, и избежать смертоубийства — решение оказалось выгодным с обеих сторон и применяется по сей день.

У этого турнира существовало еще одно правило: победитель боя мог продолжить сражаться дальше. Это отражало извечную истину о том, что один сильный мастер стоит десятка глупцов. В свое время Дин Хай в одиночку одержал три победы подряд, вмиг завоевав победу на том турнире. Его мастерство поразило зрителей, это была пора молодости, удали и блистательных побед.

Заметив потемневшее лицо Дин Хая, Лю Фан понял, что хозяин вновь испытал горечь от того, что его потомки не оправдали надежд. Каких кровей были молодые представители семьи Дин, он, алхимик, проработавший в их доме более тридцати лет, знал лучше кого бы то ни было. Однако какими бы безнадежными они ни казались, простому чужаку не пристало их критиковать, поэтому оставалось лишь утешить главу:

— Поберегите здоровье, хозяин. Сегодня река течет на восток, а завтра на запад — на этот раз пришла наша очередь, семьи Дин, гордо поднять головы.

Дин Хай тяжело вздохнул, но на душе у него все равно было беспокойно:

— Уважаемый учитель, а рецепт этого эликсира точно надежен?

— Надежен. Я собственными глазами видел, как этот скрывающийся от мира великий мастер варил зелье. Его уровень мастерства определенно превосходит предел великого алхимика и находится всего в шаге от алхимического короля. К тому же мы заплатили ему огромные деньги, у него нет причин нас обманывать.

— Мм, ну раз так, хорошо.

На следующий день, едва забрезжил рассвет, в южном районе бедняков Города Цаомао гурьбой высыпала ватага детей. Горланя во всю моль, они пронесли по узким улочкам и, сделав несколько крутых поворотов, остановились перед покосившейся деревянной хижинкой.

Бежавший впереди мальчишка с грохотом распахнул дверь и, еще не успев войти, закричал:

— Сяо Фэн, Сяо Фэн! Ты забыл, что сегодня выбирают главу нашего Города Цаомао? Это бывает только раз в пять лет! Все уже собрались, не хватает только тебя, чего ты до сих пор дрыхнешь?!

Чжэн Фэну даже не нужно было смотреть, чтобы узнать этого крикуна: среди всех детей Города Цаомао таким луженым глоткой обладал только его закадычный друг — Чжан Дало.

Чжан Дало было прозвищем, которое дал ему сам Чжэн Фэн. Настоящее имя друга Чжэн Фэн уже давно позабыл, так как не произносил его целую вечность.

Ворвавшись в дом, за Чжан Дало ввалилась и остальная шумная детвора, отчего и без того

тесная хижина показалась еще меньше. Заметив, что Чжэн Фэн сидит на полу со скрещенными ногами, закрыв глаза и погрузившись в медитацию с размеренным дыханием, ребята жутко удивились. Чжан Дало нахмурился, совершенно не понимая, что за кашицу заварил Чжэн Фэн, и спросил:

— Сяо Фэн, ты часом не свихнулся с самого утра?

Чжэн Фэн глубоко выдохнул, открыл глаза и увидел, как пара блестящих черных глазенок Чжан Дало с любопытством разглядывает его сверху вниз. Он с улыбкой выругался:

— Это ты свихнулся с самого утра! Я тут... — на секунду запнувшись, Чжэн Фэн напряг память и наконец вспомнил нужное слово, — я тут успокаиваю разум и настраиваю дыхание! Глянь-ка сюда, что это?

С этими словами он вытащил из-за пазухи хрустальный флакон и продемонстрировал его Чжан Дало. Стоило другу увидеть склянку, как он восторженно завопил:

— Эликсир пробуждения! Сяо Фэн, ты и вправду купил эликсир пробуждения! Ты просто, просто, просто невероятен! Когда станешь великим мечником, не забывай прикрывать своего брата!

Чжэн Фэн с важным видом хлопнул себя в грудь и пообещал:

— Без проблем, все беру на себя!

После этого оба залились громким смехом.

Когда смех немного утих, Чжан Дало поинтересовался:

— Так ты пойдешь сегодня смотреть состязания? Я слышал, в семье Гань в этом году появился какой-то чертовски крутой парень, семье Дин опять придется туго. Как пить дать, им придется еще пять лет отдавать пост чужакам. Разве не жалко пропустить такое зрелище?

Поддавшись на уговоры Чжан Дало, Чжэн Фэн заколебался, но в конце концов давнее желание взяло верх над любопытством, и он ответил:

— Ладно, идите сами, а я не пойду.

Чжан Дало попытался уговорить его еще немного, но, видя твердую решимость друга и опасаясь опоздать к началу состязаний и пропустить самое интересное, попрощался с Чжэн Фэном. Возглавив ватагу детворы, он словно безумный помчался к центру города. Где-то позади раздавался собачий лай — это А-Хуан, подпрыгивая на ходу, несясь следом за всеми.

Заметив это, Чжэн Фэн усердно замахал маленькой ручкой и закричал:

— А-Хуан, вернись! А-Хуан, назад!

Но разве могли они услышать его крики среди общего гама резвящихся детей и собаки? Спустя мгновение вся компания уже скрылась из виду.

Чжэн Фэну оставалось лишь успокаивать себя тем, что хотя А-Хуан еще не слишком хорошо знает Город Цаомао, пока он бежит за Дало, потеряться они не должны.

<http://bllate.org/book/19475/1909385>